

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ СТАТЬЯ
RESEARCH ARTICLE

CC BY

НЕВЗОРОВ Сергей Геннадьевич
кандидат исторических наук, доцент,
Оренбургский государственный
университет имени В. А. Бондаренко,
Оренбург, Российская Федерация
sg-nevzorov@mail.ru
https://orcid.org/0009-0000-9974-2773

УДК: [94(470+571)"1598/1613"+130.2]:[172.13+325.83+323.212]
ГРНТИ: 03.23.31
ВАК: 5.10.1
https://doi.org/10.36343/SB.2026.46.2.003

Коллективный подвиг эпохи Смуты: народное ополчение как цивилизационный ответ на кризис российской государственности

Аннотация. Статья посвящена изучению феномена коллективного подвига как культурологической категории на материале народных ополчений периода Смутного времени. Цель исследования – раскрыть механизмы формирования коллективной патриотической мобилизации в условиях глубокого государственного кризиса, рассматривая ополчение 1611–1612 гг. как явление, определившее цивилизационное самосохранение. Использованы опубликованные исторические источники и современные исследования. Прослежена трансформация разрозненных земских движений в единую коллективную самоорганизацию общества. Рассмотрено значение Церкви и письменного слова как инструментов мобилизации, сопоставлен опыт Первого и Второго ополчений, выявлена роль их лидеров и казачества в формировании надсословной солидарности. Определено, что подвиг народного ополчения являлся не только военным актом, но и сильнейшим культурным импульсом, давшим начало возрождению общерусской идентичности через практику соборности, жертвенности и правового самосознания.

Ключевые слова: Смутное время, народное ополчение, коллективный подвиг, земское движение, призывные грамоты, гражданский патриотизм, мемориальная культура, гражданская идентичность.

© Невзоров С. Г., 2026

Феномен коллективного подвига принадлежит к числу фундаментальных категорий культурологии и исторической антропологии. Под ним понимается не простая сумма разрозненных героических поступков, а особый тип социального действия, при котором множество индивидуальных воль сливается в единое смысловое целое, направленное на сохранение надличностной ценности – государства, веры, цивилизационной идентичности. В отечественной истории наиболее ярким и культурно насыщенным воплощением такого действия стало народное ополчение эпохи Смуты начала XVII в. как ответ общества на один из острейших системных кризисов в судьбе российской государственности [2] [5] [13] [20] [24] [25] [26] [29] [33]. Обращение к данному феномену именно как к культурологической, а не только военно-исторической проблеме позволяет увидеть в событиях 1611–1612 гг. не цепочку сражений, а механизм цивилизационного самосохранения, в котором соединились религиозное сознание, правовое творчество и практика низовой солидарности.

Актуальность культурологического осмысления коллективного подвига Смутного времени определяется одновременно научными и общественными причинами. С одной стороны, «смутоведение» оформилось в самостоятельную исследовательскую область, и стремление извлечь уроки из эпох «хаоса» и «смуты» сохраняет непреходящую значимость для всего комплекса социогуманитарных наук [9] [10] [11] [32]. С другой стороны, после учреждения в 2004 г. Дня народного единства события освобождения Москвы приобрели новое символическое и государственно-идеологическое измерение [34, с. 56]. Образы Кузьмы Минина и князя Дмитрия Пожарского прочно закрепились в мемориальной культуре как канонические воплощения гражданского патриотизма, и анализ механизмов формирования этих образов остается научно востребованным [1] [30]. В условиях современного интереса к проблемам коллективной идентичности и социальной сплоченности вопрос о том, как именно общество в ситуации распада власти обретает способность к самоорганизации, перестает быть исключительно историческим и приобретает отчетливо актуальное общественное звучание.

Степень изученности темы значительна, однако неравномерна. Классическая историография Смуты, заложенная трудами С. М. Соловьёва [29], В. О. Ключевского [13] и С. Ф. Платонова [24], сосредоточена преимущественно на политических и государственно-правовых аспектах кризиса. Современные исследователи существенно расширили проблемное поле: изучены государственно-правовое содержание призывных грамот [18], психологическая мотивация участников земского движения [27], роль казачества в ополчениях [31], мемориализация событий и героев Смуты [15], их отражение в изобразительном искусстве [17] и музыкальной культуре [3]. Несмотря на многообразие подходов, исследования в области психологии и права сосредоточены на отдельных аспектах мобилизации, а работы по мемориализации редко связывают современное восприятие с механизмами самоорганизации XVII в. Вместе с тем коллективный подвиг народного ополчения до сих пор редко рассматривался как целостный культурологический феномен, то есть как единый процесс, в котором военная мобилизация, религиозная мотивация, правовое самосознание и последующая мемориальная судьба образуют связную смысловую структуру. Именно этот ранее не исследовавшийся в систематическом виде аспект – реконструкция коллективного подвига как архетипической культурной модели, а не как суммы отдельных эпизодов – составляет проблемное ядро настоящей работы.

Целью представленной статьи является культурологический анализ феномена коллективного подвига народного ополчения в период Смуты, его предпосылок, механизмов, символического измерения и мемориальной судьбы. Достижение этой цели предполагает решение ряда взаимосвязанных задач: охарактеризовать Смуту как системный цивилизационный кризис, разрушивший привычный миропорядок; раскрыть феноменологию мобилизации, переход от индивидуального страха к коллективной жертвенности; показать роль Православной Церкви и письменного слова как инструментов ле-

ISSN 2412-9798
www.heritage-magazine.com

гитимации народного действия; сопоставить опыт Первого и Второго ополчений как урок и его и исправление допущенных ошибок; осмыслить фигуры К. Минина и Д. Пожарского как культурных героев особого, «служебного» типа; оценить роль казачества в событиях Смутного времени в контексте диалектики согласованных действий и внутренних разногласий; проследить мемориальную судьбу подвига и, наконец, выявить его структурообразующие черты как типологически значимого феномена российской культуры.

Материалом исследования послужил комплекс разнородных источников и научной литературы. Эмпирическую основу составляют опубликованные памятники эпохи: призывные грамоты земских ополчений [6] [7] [12] [21] [22], «Окружная грамота» патриарха Гермогена [8], а также свидетельства современников, донесенные летописными и повествовательными текстами первой трети XVII в. [25]. К анализу привлечена современная историография, охватывающая историю и право Смуты [14] [16] [18], психологию коллективной мотивации [27], проблематику казачества [31], биографику освободителей [4] [28] и культурную память о событиях 1611–1612 гг. [15] [17] [23] [30] [34]. Особое методологическое значение имеет концепция цикличности русской истории и природы «великих смут», развитая в работах по «смутоведению» [19] [26].

Методологически работа базируется на принципе междисциплинарности. Культурно-исторический метод задает общую рамку исследования, позволяя рассмотреть ополчение в контексте кризиса миропорядка. Семиотический анализ применяется для деконструкции текстов призывных грамот, выявляя в них сочетание теологического, юридического и политического регистров. Инструментарий исторической психологии обеспечивает реконструкцию перехода от индивидуальной мотивации к коллективной. Метод мемориальных исследований используется для анализа того, как подвиг ополчения осмыслялся, увековечивался и переосмыслялся в дореволюционный, советский и постсоветский периоды. Сочетание данных методов продиктовано сложной природой самого феномена коллективного подвига, который не может быть адекватно описан в рамках одной дисциплины, поскольку соединяет в себе военно-политическое событие, религиозный акт, правовой прецедент и символическую систему.

Дизайн исследования выстроен по принципу последовательного движения от анализа кризиса к анализу ответа на него и далее – к его культурной памяти. На первом этапе характеризуется Смута как тотальный цивилизационный кризис. На втором – реконструируется феноменология мобилизации и роль Церкви и слова. На третьем – сопоставляются Первое и Второе ополчения и осмысляются фигуры их лидеров, а также вклад казачества. На завершающем этапе подвиг рассматривается в перспективе мемориальной культуры и обобщается как типологическая модель. Этой логике соответствует и структура статьи, разделы которой воспроизводят указанную последовательность аналитических шагов.

В настоящем исследовании под коллективным подвигом понимается культурно опосредованный тип социального действия, возникающий в условиях экзистенциального кризиса и характеризующийся единством религиозной, правовой и гражданской мотивации, направленной на обретение или восстановление надличностной ценности.

* * *

Смутное время как системный кризис российской цивилизации. Смутное время не сводится к простой политической нестабильности, это тотальный цивилизационный кризис, затронувший все уровни общественного существования: государственный, правовой, экономический, нравственный и духовный. В историографии существуют различные объяснения его природы. С. М. Соловьёв усматривал главную причину Смуты в столкновении старых дружинных начал с новыми государственными, которое выразилось в борьбе московских государей с боярством и противогосударственными устремлениями казачества [29, с.с. 376–381]. В. О. Ключевский полагал, что «верховная власть имела аномалию – в ней объединялись два непримиримых начала: царь и вотчинник», и в эпоху Сму-

ISSN 2412-9798
www.heritage-magazine.com
NASLEDIE VEKOV
2026 NO. 2

ты «произошло отмирание удельных начал и Российское царство приобрело черты подлинного государства» [13, с. 16–17]. С. Ф. Платонов видел истоки кризиса еще в правлении Ивана Грозного [24, с. 246–248].

С культурологической точки зрения принципиально важна концепция, предложенная П. П. Марченей: Смута есть не просто политическое событие, но проявление глубинной цикличности русской истории, в которой «сменяют друг друга паллиативы непродуманных реформ и непоследовательных “контрреформ”, авральных строек и катастрофических “перестроек”» [19, с. 50]. С этой точки зрения каждая «Великая Русская Смута» представляет собой момент, когда «действия элит явно вступают в конфликт с основополагающими ценностями народа» и «на сцену истории вынужденно вступают народные массы» [19, с. 60].

Ко времени создания ополчений (январь 1611 г.) политическая нестабильность продолжалась уже 8 лет и охватывала в большей или меньшей степени все регионы страны [27, с. 8]. Москва и ряд других регионов оказались захвачены польскими и шведскими интервентами; «в Москве всеми делами вершили поляки, а бояре-правители из “Семибоярщины” рассылали в города, уезды и волости грамоты с призывами о присяге польскому королевичу Владиславу» [14, с. 22]. Присяга была дана московскими жителями 27 августа 1610 г. с условием, что Владислав примет православие и «польских и литовских людей от Московского государства всех выведет» [7, с. 511]. Ни одно из этих условий выполнено не было.

Глубочайший характер кризиса усугублялся тем, что он ударил по самим основаниям русского средневекового миропорядка. В провиденциалистской картине мира, характерной для русского общества начала XVII в., государь являлся помазанником Божиим, а его власть служила элементом сакрального порядка. Сама возможность самозванства разрушала эту картину. В призывных грамотах периода Смуты источником всех бедствий называлось «преумножение грехов наших» (цит. по: [18, с. 18]), что свидетельствует о сохранении религиозного осмысления кризиса, но одновременно и о поиске новых форм легитимации народного действия.

Феноменология мобилизации: от индивидуального страха – к коллективному подвигу. Вопрос о мотивации участников ополченческого движения представляет собой один из наиболее сложных в историографии. Н. В. Рыбалко справедливо указывает, что этот вопрос «в работах, посвященных эпохе Смуты, комплексно не рассматривался» и что привлечение инструментария социальной психологии открывает «новые перспективы оригинальных наблюдений» [27, с. 8]. Согласно теории мотивации Д. Н. Узнадзе, «акту решения предшествует борьба мотивов, и процесс выбора представляется в виде борьбы мотивов, где преимущество имеет система ценностей» (цит. по: [27, с. 9]).

Анализ призывной переписки ополчений позволяет выделить несколько уровней мотивации. На начальном этапе (январь – март 1611 г.) доминировали мотивы, «направленные на благосостояние индивидуума: непосредственная угроза жизни, семье, имуществу» [27, с. 18]. Действительно, масштабы разорения были чрезвычайными: в призывных грамотах зафиксировано, что поляки и литовцы «Московское государство все выжгли, и святые Божии церкви и монастыри разорили… и раки святых рассекали, и бояр… и множество крестьянского народу, мужеского полу и женского и до сущих младенцев, злой смерти предали» [22, с. 548].

Однако по мере развития движения первоначальные индивидуальные мотивы «переросли в группу мотивов, направленных на благосостояние общества» [27, с. 7]. Призыв к защите православной веры и Московского государства стал «лейтмотивом земского движения», а «духовные мотивы выступили объединяющим началом» [27, с. 18]. В этом состоит суть культурного феномена коллективного подвига: трансформация страха за личное выживание в готовность жертвовать личным ради общего. Именно такая трансформация, осуществленная в рамках православного провиденциализма, превратила разрозненное сопротивление в подвиг, осмысленный участниками как религиозный и гражданский долг одновременно.

ISSN 2412-9798
www.heritage-magazine.com

Немаловажную роль сыграли и механизмы социального принуждения. В грамоте из Ярославля в Казань сообщается, что когда в Ярославле собрали ополчение, то «учинили приговор крепкой за руками: кто не пойдет или воротится, тем милости не дати, и по городам по всем то ж укрепление писали» [6, с. 519]. Нравственное общественное порицание в виде «отвержения» представляло собой мощный социокультурный механизм, обеспечивавший участие в коллективном действии тех, кого не вдохновляли идеологические призывы.

Церковь и слово как инструменты коллективной мобилизации. В культурологическом аспекте особую значимость приобретает роль Православной Церкви и письменного слова в организации народного движения. В условиях фактического безвластия именно церковные институты приняли на себя функцию легитимирующего авторитета.

Ключевой фигурой в этом процессе стал патриарх Гермоген. Изначально находившийся в числе тех, кто присягал Владиславу, он в конечном счете перешел на позиции активного противостояния польской интервенции. В «Окружной грамоте» августа 1611 г. он призывал «отнюдь не упрочивать Царства сыну Маринкину, а стояли бы все за веру, не щадя живота своего» [8, с. 101]. Свою роль сыграл исключительный авторитет патриарха, тем более заключенного под стражу, его «непреклонная позиция… была хорошо известна», и «с самого начала 1611 г. большая часть всей призывной корреспонденции содержала включения с изложением настроений патриарха», а «обстоятельства его заточения… напрямую выступали мотивировкой к борьбе с поляками» [18, с. 19]. В византийско-русской традиции идея «симфонии властей» наделяла предстоятеля церкви верховными полномочиями в отсутствие законного светского правителя, и именно Гермоген «явился единственным законным обладателем верховных полномочий в стране» [18, с. 19].

Грамоты архимандрита Троице-Сергиева монастыря Дионисия и келаря Авраамия Палицына, в которых православные русские люди призывались к единению и совместной борьбе против иноземцев, «толкнули на подвиг К. Минина и князя Д. М. Пожарского» [31, с. 14]. По словам самого К. Минина, именно после прочтения грамоты патриарха Гермогена (или, по другим источникам, грамоты Троицкого монастыря) он принял решение начать призывы к освободительной борьбе [28, с. 64].

С семиотической точки зрения призывные грамоты представляли собой уникальный тип текста, в котором сочетались несколько риторических регистров: теологический (описание грехов и Божьего попущения), юридический (перечисление нарушенных Владиславом обязательств), политический (легитимация ополченческого движения) и эмоциональный (апелляция к чувству угрозы и чести). С. В. Лямзаев убедительно показывает, что «содержание призывных грамот соответствовало, прежде всего, потребностям момента, уровню воспринимавшей их аудитории» и включало легитимность притязаний на участие в борьбе, организацию и внутреннее устроение областей, гарантии для возможных сторонников, а также «последующее совместное определение форм приемлемой власти» [18, с. 23]. Само письменное слово в культуре средневековой Руси обладало сакральным статусом: грамота, скрепленная именем патриарха или архимандрита, воспринималась как абсолютно авторитетный призыв.

Первое ополчение: опыт неудачи как культурный урок. Первое земское ополчение 1611 г. занимает особое место в культурологическом анализе феномена коллективного подвига: это опыт грандиозного усилия, завершившегося распадом, но обеспечившего необходимый фундамент для последующей победы.

Поводом к созданию ополчения стали события 19–20 марта 1611 г., крупное антипольское восстание в Москве, в результате которого «множество жителей было убито, а Москва существенно пострадала от пожаров» [18, с. 18–19]. Ополчение формировалось стихийно, объединив представителей разных социальных групп: дворянства во главе с Прокопием Ляпуновым, казаков под предводительством Ивана Заруцкого и Дмитрия Трубецкого, а также горожан и крестьян

ISSN 2412-9798
www.heritage-magazine.com
NASLEDIE UCHOV
2026 NO. 2

[16, с. 265]. Примечательно, что Земский собор правильного состава ополченцам собрать не удалось, «из-за отсутствия в таборах Боярской думы, Освященного собора», однако «под Москвой была созвана низшая курия Земского собора: выборные от дворянства и посада, образовавшие Совет всея земли» [31, с. 9].

30 июня 1611 г. «Совет всея земли» принял «Приговор» – своеобразную земскую конституцию [31, с. 13]. Это был беспрецедентный в русской истории акт: народное представительство, не имея законного государя, взяло на себя функции верховной власти. С. В. Лямзаев справедливо замечает, что подобное «можно сравнить с подвижничеством, когда в условиях полного разложения нашлись силы, воспрепятствовавшие, казалось, необратимому процессу» [18, с. 23].

Однако внутренние противоречия ополчения оказались непреодолимыми. В нем «тотчас обозначилось различие интересов казаков (тушинцев) и дворян: первые стремились к сохранению своей вольности, вторые – к укреплению крепостнических порядков и государственной дисциплины» [28, с. 63]. Таким намерениям, в частности, полностью отвечала статья 23 вышеупомянутого «Приговора» о необходимости «по сыску крестьян и людей отдавать назад старым помещикам» (цит. по: [18, с. 22]). По меткому замечанию В. О. Ключевского, «когда Ляпунов озлобил против себя своих союзников казаков, дворянский лагерь не смог защитить своего вождя» (цит. по: [18, с. 22]). 22 июля 1611 г. П. Ляпунов был вызван в казачий круг и убит [28, с. 63]. После его гибели дворяне стали покидать лагерь, и ополчение фактически распалось [16, с. 265].

Тем не менее Первое ополчение выполнило важную культурную функцию: оно «продемонстрировало способность общества к самоорганизации в условиях безвластия», «ослабило польский гарнизон в Москве» и стало «примером патриотического подъема, вдохновившего народ на окончательное освобождение страны» [16, с. 264]. Князь Дмитрий Пожарский, в 1611 г. возглавлявший сражавшиеся с поляками передовые отряды, «на протяжении двух лет был одним из вождей земского ополчения, его имя знала вся Россия» [4, с. 11]. По словам самого Д. Пожарского, нижегородцы ездили к нему «многажды, чтобы ехати в Нижний для земского совета» [21, с. 594].

Второе ополчение: феноменология «всесословного» коллективного подвига. Второе народное ополчение, организованное в Нижнем Новгороде осенью 1611 – зимой 1612 г., представляет собой культурологически наиболее насыщенный феномен эпохи. В отличие от Первого ополчения, оно с самого начала было отмечено «единством целей и действий» и явилось подлинным воплощением «всесословного» коллективного подвига [14, с. 22–23].

Инициатором движения стал нижегородский земский (посадский) староста Кузьма Минин, избранный на эту должность в начале сентября 1611 г. [14, с. 23]. Его призыв к освободительной борьбе был распространен «среди посадских людей, которые горячо его поддержали», затем к ним присоединился городской совет Нижнего Новгорода, воеводы, духовенство и служилые люди [14, с. 23]. Речь К. Минина, сохранившаяся в передаче источников, отличалась редкой прямотой и силой: «Захотим помочь Московскому государству, так не жалеть нам имения своего, не жалеть ничего, дворы продавать, жен и детей закладывать, бить челом тому, кто бы вступился за истинную православную веру и был у нас начальником» (цит. по: [28, с. 64]).

Нижегородцы приняли «приговор» всего города о том, чтобы все жители «на строение ратных людей» вносили в обязательном порядке часть своего имущества [9, с. 23]. По совету К. Минина давали «третью деньгу», то есть третью часть имущества, а в некоторых случаях – пятую часть [28, с. 65]. Современники зафиксировали: «воскорбеша душами... нижегородцы... положиша межи собою совет благ: избраша мужа житием благоговейна посадцкого человека Козьму Минина, и собравше казну многу, и ратным людем начаша давати... и избраша воеводою себе благоизрядного боярина князь Дмитрея Михайловича Пожарского» (цит. по: [24, с. 38]).

Второе ополчение было организовано на принципах, кардинально отличавшихся от принципов Первого. Денежный оклад для

ISSN 2412-9798
www.heritage-magazine.com

ратников первой статьи составлял 50 рублей в год, второй – 45 рублей, третьей – 40 рублей; «наличие у ополченцев постоянного денежного довольствия привлекло в ополчение новых служилых людей со всех окрестных областей» [14, с. 23]. Пришли коломенцы, рязанцы, казаки и стрельцы из украинных городов. Ополчение выросло первоначально до трех тысяч, а затем – до более чем десяти тысяч ратников [14, с. 23–25].

Выдвижение из Нижнего Новгорода началось в конце февраля – начале марта 1612 г. В апреле 1612 г. ополчение прибыло в Ярославль, где простояло четыре месяца. Там «окончательно определился состав правительства – "Совета всея земли"» [14, с. 24], включавшего представителей знатных родов – Долгоруких, Куракиных, Бутурлиных, Шереметевых. Грамоты от имени «Совета всея земли» призывали: «по совету всего государства выбрати общим советом государя, кого нам милосердный Бог по праведному своему человеколюбию даст» [12, стб. 996–997]. Последнее положение свидетельствует о принципиально важном культурном сдвиге: ополченцы признавали, что государя нужно выбирать, уповая на божественный промысел, но только при общем согласии [18, с. 22–23].

Национальные герои эпохи Смуты: К. Минин и Д. Пожарский. Кузьма Минин и Дмитрий Пожарский представляют один из редких случаев в русской культурной памяти, когда «культурными героями» оказались не государь и не церковный иерарх, а «выборный человек» из посадских и воевода средней руки. Это само по себе является выражением культурной специфики коллективного подвига Второго ополчения.

Дмитрий Михайлович Пожарский родился 1 ноября 1578 г. в селе Берсенево Клинского уезда. Он принадлежал к дому Рюриковичей: «его семья имела большое поместье в Суздальском уезде», однако Иван Грозный конфисковал земли, и Пожарские были переведены в Нижегородский уезд. С 15 лет Д. Пожарский начал службу при дворе Бориса Годунова. По отзывам современников, его отличали «отсутствие всякого чванства, заносчивости и зазнайства; отсутствие алчности и высокомерия… справедливость и великодушие… преданность государям российским и своему Отечеству; храбрость и способность к самопожертвованию» [28, с. 62]. Не единожды Д. Пожарского склоняли к участию в заговорах против В. Шуйского, но но все предложения были твердо отклонены [28, с. 63]. В боях марта 1611 г. был ранен и вынужден покинуть Москву.

Кузьма Минин, «посадский человек», выборный земский (городской) слободской, а затем посадский, «с детства отличался острым умом и рассудительностью» [28, с. 63]. Его часто называли «русским Демосфеном» за выдающиеся ораторские способности. Решение возглавить народное движение он принял после прочтения грамоты, призывавшей к сопротивлению интервентам. Он «отдал треть своих денег на организацию ополчения» [28, с. 64], и эта личная жертва имела символическое значение, задав моральный стандарт для всего движения.

Культурное величие обоих деятелей состоит в органичном соединении харизмы и компетентности: К. Минин обеспечил финансово-организационную и мобилизационную основу, а Д. Пожарский – военное командование. Показательно, что «грамоты подписывались всеми членами "Совета всея земли"», подпись Д. Пожарского стояла на десятом месте, К. Минина – на пятнадцатом, в точном соответствии с традицией «местничества», что придавало документам легитимность в глазах тогдашнего общества [14, с. 24].

В сражениях за Москву в августе – октябре 1612 г. оба лидера проявили не только организаторские, но и личные ратные качества. 20 августа войско Д. Пожарского вступило в Москву и заняло позиции у Арбатских ворот [34, с. 58]. Против 12-тысячного войска гетмана Карла Ходкевича, имевшего в том числе «пять отрядов пехоты и конницу… украинских казаков, конные шляхетские отряды и венгерскую кавалерию» [34, с. 57], ополченцы выстояли в трехдневных боях 21–24 августа. В переломный момент именно К. Минин, «форсировав Москву-реку», «как снег на голову обрушился на поставленные гетманом Ходкевичем у Крымского двора две литовские роты», после чего противник «потерял на месте до 500 человек» и был вынужден отступить [28, с. 66].

ISSN 2412-9798
www.heritage-magazine.com
NASLEDIE VEKOV
2026 NO. 2

22 октября 1612 г. Китай-город был взят приступом; 26 октября польский гарнизон капитулировал и покинул Кремль [14, с. 25].

Роль казачества в ополченческом движении: диалектика коллективного подвига. Культурологический анализ феномена коллективного подвига был бы неполным без рассмотрения роли казачества – сложного и противоречивого участника событий Смуты. Казачество не представляло собой монолитного объединения: И. О. Тюменцев убедительно доказывает, что «одной из главных сил повстанческого движения на первых этапах Смуты выступало служилое казачество городов южной украины России», а «вольные казачьи войска Дона, Терека и Яика в Смуте участия не принимали» [31, с. 9].

Противоречия, возникшие между казаками и дворянством, стали главной причиной распада Первого ополчения. Казачий круг «наряду с Советом всея земли стал параллельным высшим органом государственного управления» [31, с. 9], и именно на сборе этого круга был убит П. Ляпунов. Однако с культурологической точки зрения принципиально важно то, что «именно вольное казачье войско вынесло основные тяготы осады столицы и сыграло значимую роль в спасении страны» в 1611–1612 гг. [31, с. 9].

Не менее важна роль казаков в переломный момент сражения за Москву в августе 1612 г. Несмотря на длительное взаимное недоверие между Д. Пожарским и казачьим воеводой Д. Трубецким («Уже мужик нашу честь хочет взять на себя, а наша служба и радение ни во что будет» (цит. по: [34, с. 57]), именно казаки в критический момент поддержали ополченцев. Авраамий Палицын, обращаясь к казакам с призывом помочь Д. Пожарскому, склонил их к выступлению. Этот эпизод символически важен: он демонстрирует, что коллективный подвиг рождается не из изначального единства, а из преодоления разногласий во имя высшей цели. Казаки и ополченцы «совместно изгнали Ходкевича» именно в момент, когда «силы были разъединены» и «победы бы добиться не удалось» [34, с. 63].

Мемориальная культура как продолжение коллективного подвига. Коллективный подвиг не завершается с последним выстрелом или последней капитуляцией противника. Его полнота определяется и тем, как он осмысляется, запоминается и передается последующим поколениям. В этом отношении события 1611–1612 гг. обладают исключительной мемориальной судьбой.

Е. Ф. Кринко и Е. М. Горюшина выделяют три периода в мемориализации событий и участников Смутного времени: дореволюционный, советский и постсоветский, каждый из которых «тесно связан с периодами в истории Российского и Советского государства и политикой памяти» [15, с. 204]. В XVII–XVIII вв. почитание событий Смуты «принимало присущие этому времени религиозные формы»: на средства Д. Пожарского был построен деревянный Казанский собор, освященный в 1625 г., где хранилась главная войсковая святыня Второго ополчения – Казанская икона Божией Матери. Прах К. Минина был перенесен в Спасо-Преображенский собор Нижегородского кремля в 1672 г. [15, с. 205].

В XIX в. «мемориальная политика отделяется от церкви и становится самостоятельной сферой деятельности», при этом усиливается ее зависимость от государства [15, с. 211]. В 1818 г. на Красной площади был торжественно открыт знаменитый памятник И. П. Мартоса «Гражданину Минину и князю Пожарскому» – один из первых в России публичных монументов не государю, а народным героям. Художественное осмысление изучаемых событий русскими живописцами также оставило заметный след в истории отечественного искусства XIX в. Одним из ярких примеров тому служит выдающееся полотно К. Е. Маковского «Воззвание Минина к нижегородцам» (1896) (ныне хранится в Нижегородском государственном художественном музее), которое «передает дух единения, всеобщего воодушевления, героического подъема» [17, с. 249]. Среди других форм мемориализации следует особо выделить ораторию С. Дегтярёва «Минин и Пожарский, или Освобождение Москвы» (1811) как пример художественного осмысления событий эпохи [3]. Это произведение, созданное двумя веками позже событий Смутного времени, отражает устойчивую культурную потребность в художественном переживании феномена коллек-

ISSN 2412-9798
www.heritage-magazine.com

тивного подвига и его звуковом воплощении. Наибольшим же импульсом мемориализации в дореволюционный период стало «празднование 300-летия Дома Романовых», вызвавшее «значительный рост числа мемориальных мер оприятий» [15, с. 211].

После революции 1917 г. монументальная пропаганда включала «свержение прежних памятников монархического содержания», однако уже «с конца 1930-х гг. советская мемориальная политика вернулась к патриотическим принципам», что привело к созданию новых памятников Минину и Пожарскому [15, с. 211]. Образы освободителей Москвы активно использовались в годы Великой Отечественной войны: памятник Кузьме Минину работы А. Колобова был открыт в Горьком (Нижнем Новгороде) в ноябре 1943 г., в разгар тяжелейших боев [17, с. 253].

В постсоветский период «значительный импульс созданию мемориальных объектов в честь событий и героев Смутного времени придал День народного единства» – государственный праздник, впервые отпразднованный в 2005 г. в память об освобождении Москвы [15, с. 209].

Коллективный подвиг как культурный феномен: синтез и типология. Подводя культурологический итог, следует выявить структурообразующие черты коллективного подвига Смутного времени как типологически значимого феномена российской культуры.

Коллективный подвиг народного ополчения стал ответом на полный распад государственных институтов. В отличие от большинства известных примеров народного сопротивления, ополченческое движение 1611–1612 гг. развернулось в условиях не просто ослабленной, но фактически прекратившей существование центральной власти. Это был феномен самоорганизации «снизу», из городского самоуправления, посадских общин, местного дворянства.

Движущей силой коллективного подвига стал синтез религиозной и гражданской идентичности. Православная вера выступала не только символическим ресурсом, но и реальной мотивационной основой: императив сохранения унаследованной от предков религии и государственного суверенитета задавал тональность всей борьбе, а духовные импульсы превращали разрозненные устремления в общую волю. В то же время такие гражданские элементы, как самоуправление, договорные обязательства, выборность власти, придавали движению принципиально новое, «протогражданское» измерение.

Коллективный подвиг Второго ополчения был отмечен надсословностью. «Когда уже осия благодать Божия вся люди, подвигнушася вси отовсюду честныя люди, болярска и велможска роду, и дворяне, и дети боярския и всяких чинов люди, собрашася вси купно заедино» – этот источниковый текст отражает культурный сдвиг от феодального принципа сословной лояльности к принципу общегражданской солидарности [17, с. 249].

Феномен коллективного подвига предполагал персональное лидерство особого типа, лидерство «служебного», а не «властного» характера. Ни К. Минин, ни Д. Пожарский не стремились к личной власти. Д. Пожарский «не единожды» отказывался от предложения нижегородцев, и лишь «когда к нему приехала делегация во главе с архимандритом Феодосием», согласился, «но с одним условием, чтобы всеми хозяйственными делами в ополчении заведовал Минин» [14, с. 23]. Такое лидерство служения в культурологической перспективе ближе к архетипу «культурного героя», который приносит цивилизационное благо ценой собственного жертвования.

Коллективный подвиг реализовался через деятельность существующих структур местного самоуправления, прежде всего городских и земских органов. А. В. Красницкая точно замечает, что «в организационном плане общественное патриотическое движение опиралось на действующие структуры местного самоуправления» [14, с. 23]. Это придает феномену институциональное измерение: коллективный подвиг стал возможным не вопреки существующим институтам, а благодаря их устойчивости в условиях коллапса центральной власти.

* * *

Проведенное исследование позволило достичь поставленной цели: осуществить культурологический анализ феномена коллективного подвига народного ополчения

ISSN 2412-9798
www.heritage-magazine.com

в период Смуты в единстве его предпосылок, механизмов, символического измерения и мемориальной судьбы. Полученные результаты прямо соотносятся с задачами, сформулированными во введении, и позволяют представить ополчение 1611–1612 гг. не как сумму военных эпизодов, а как целостный культурный акт цивилизационного самосохранения.

Во-первых, анализ предпосылок показал, что Смута начала XVII в. стала тотальным распадом государственных и социокультурных связей, поставившим под вопрос само существование российской государственности и православной цивилизации. Именно глубина кризиса, затронувшего сакральные основания миропорядка, сделала возможным и необходимым беспрецедентный ответ «снизу» – земское освободительное движение, в котором разрозненные города и сословия, вопреки противоречиям и взаимному недоверию, обрели единство воли и действия.

Во-вторых, реконструкция механизмов подвига выявила его внутреннюю логику. Коллективная мобилизация представляла собой трансформацию индивидуального страха за жизнь и имущество в готовность жертвовать личным ради общего, осуществленную в рамках православного провиденциализма и подкрепленную авторитетом Церкви и сакральным статусом письменного слова. Опыт Первого ополчения (1611) обнажил главную угрозу любому коллективному подвигу – столкновение частных корпоративных интересов с общей целью, тогда как Второе ополчение (1611–1612) преодолело этот раскол, став воплощением синтеза религиозного долга, гражданского патриотизма и надсословной солидарности. Взятие Китай-города 22 октября и капитуляция польского гарнизона 26 октября 1612 г. положили конец интервенции и создали условия для восстановления государственности, увенчавшегося избранием на царство Михаила Федоровича Романова в 1613 г.

В-третьих, рассмотрение символического и мемориального измерения подтвердило, что подвиг ополчения не завершился военной победой, но продолжил жить в культурной памяти. Образы К. Минина и Д. Пожарского устойчиво функционируют в российской мемориальной культуре с XVII в. по настоящее время, переживая смены политических режимов и трансформации государственной идеологии. Это свидетельствует о том, что подвиг народных героев затронул архетипические ценности национальной культуры – жертвенность ради общего блага, единство перед лицом внешней угрозы, приоритет «земли» над любой партикулярной властью.

Научная новизна исследования заключается в том, что коллективный подвиг народного ополчения впервые осмыслен как целостный культурологический феномен, в котором военное, религиозное, правовое и мемориальное измерения предстают в их внутренней взаимосвязи, а не как разрозненные эпизоды. Подвиг ополчения охарактеризован как архетипическая модель «надсословного» коллективного действия и лидерства «служебного» типа, раскрывающая глубинные механизмы самоорганизации российской цивилизации в условиях коллапса центральной власти.

Перспективы дальнейших исследований связаны с разработкой сравнительной типологии коллективного подвига: сопоставление событий Смуты с иными эпизодами народной самоорганизации в отечественной и мировой истории позволило бы проверить универсальность выявленной модели. Продуктивным представляется углубленное изучение семиотики призывных грамот и их риторических регистров, а также анализ современных форм репрезентации подвига ополчения в кинематографе, цифровых медиа и образовательных практиках. Тем самым коллективный подвиг народного ополчения 1611–1612 гг. сохраняет значение не только исторического прецедента, но и востребованной культурной модели преодоления цивилизационного кризиса через солидарность и приверженность надличностным ценностям.

ISSN 2412-9798
www.heritage-magazine.com

Sergey G. NEVZOROV
Cand. Sci. (National History), Docent,
Orenburg State University
named after V. A. Bondarenko,
Orenburg, Russian Federation
sg-nevzorov@mail.ru
https://orcid.org/0009-0000-9974-2773

The Collective Feat of the Time of Troubles: The People's Militia as a Civilizational Response to the Crisis of Russian Statehood

Abstract. The aim of the research is to reveal the mechanisms behind the formation of collective patriotic mobilization amid a deep state crisis during the Time of Troubles. Collective heroism is understood here as a distinct mode of social action in which a multitude of personal aspirations merges into a single meaning directed toward the preservation of supra-personal values: the state, the faith, and civilizational identity. Within this framework, the militia of 1611–1612 is interpreted as a mechanism of civilizational self-preservation. The research draws on a comprehensive body of sources, including the appeal letters (circular charters) of the militias and chronicle evidence. It also makes extensive use of the findings of contemporary Russian historians. The toolkit of historical psychology makes it possible to trace the transformation of individual fear into collective sacrifice, while a semiotic analysis of the charters helps to reveal their role as a unique type of text combining theological and legal registers. The inner logic of the feat is reconstructed step by step. First, the Time of Troubles is characterized as a total systemic crisis that undermined the sacred foundations of the medieval Russian worldview and made an unprecedented response "from below" necessary. Second, the phenomenology of mobilization is analyzed, consisting in the gradual transformation of purely individual motives, under the influence of Orthodox providentialism, into a readiness to sacrifice personal interests for the common good. The role of the Church and the sacral status of the written word are examined as instruments of legitimation amid the collapse of central authority. The comparison of the First and Second Militias forms the analytical core of the work. The First Militia (1611) exposed the principal threat to any collective feat—the clash of private corporate interests with the common aim—whereas the Second Militia (1611–1612) overcame this division, becoming an embodiment of the synthesis of religious duty, civic patriotism, and trans-estate solidarity. Kuzma Minin and Prince Dmitry Pozharsky are interpreted as cultural heroes of a particular, service-oriented type, and the role of the Cossacks is also examined. It is concluded that the feat of the people's militia constitutes a unified cultural phenomenon in which the military, religious, legal, and memorial dimensions appear in their internal interconnection. It is presented as an archetypal model of trans-estate collective action that has persisted in Russian memorial culture from the seventeenth century to the present day, embodying the enduring values of sacrifice and solidarity.

Keywords: Time of Troubles, people's militia, collective feat, zemsky movement, appeal letters (circular charters), civic patriotism, memorial culture, civic identity.

Литература:

1. Артамонов В. А. Ложь о военных героях русской истории // Информационные войны. 2011. № 1 (17). С. 45–51.

2. Баринов В. А., Баринова К. В. Правовые и культурологические аспекты Отечественных войн в национальном самосознании России: (К 70-й годовщине Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов) // Местное право. 2015. № 2. С. 21–38.

References:

1. Artamonov, V.A. (2011) Lozh' o voennykh geroyakh russkoy istorii [Lies about Military Heroes of Russian History]. *Informatsionnye voyny*. 1 (17). pp. 45–51.

2. Barinov, V.A. & Barinova, K.V. (2015) Pravovye i kul'turologicheskie aspekty Otechestvennykh voyn v natsional'nom samosoznanii Rossii: (K 70-y godovshchine Pobedy v Velikoy Otechestvennoy voyne 1941–1945 godov) [Legal and Cultural Aspects of Patriotic Wars in Russia's National Identi-

3. Вихорева Т. Г. Оратория С. Дегтярёва «Минин и Пожарский или “Освобождение Москвы”»: Героика по-русски // Культура, искусство, образование: диалоги в условиях многополярного мира: материалы междунар. науч.-практ. конф. (Волгоград, 27 января 2022 г.) / ред.-сост. О. Ю. Осадчая, Т. С. Орлова, Е. А. Юнеева. Волгоград: Волгоград. гос. ун-т, 2022. С. 131–146.

4. Володихин Д. М. Вождь Первого земского ополчения князь Дмитрий Тимофеевич Трубецкой в сравнении с князем Дмитрием Михайловичем Пожарским // Защитники русской государственности XVII–XX веков в портретах и событиях: сб. ст. / под ред. Л. Решетникова. Москва: Некоммерческий благотворительный фонд «Наследие», 2022. С. 11–28.

5. Воронцова Л. Н. Взаимодействие северо-восточных русских городов по вопросу об организации Первого ополчения во время Смуты (1611 г.) // Гуманитарные проблемы военного дела. 2023. № 4 (37). С. 27–37.

6. Грамота (в списке) из Ярославля в Казань известительная о происшествиях в Москве и о предприятиях собирающегося в Ярославле ополчения с убеждением казанцев ко вспоможению против клятвопреступных поляков // Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной коллегии иностранных дел. Ч. 2: Служащая дополнением к первой. М.: Тип. Селивановскаго, 1819. С. 517–519.

7. Грамота из Ярославля в Вологду о всенародном соединении против поляков и скорейшей присылке ратных людей для освобождения Москвы. – Писана 1611, в феврале // Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной коллегии иностранных дел. Ч. 2: Служащая дополнением к первой. М.: Тип. Селивановскаго, 1819. С. 510–514.

8. Грамота от патриарха Гермогена в Нижний Новгород, с повелением написать в Казань и другие города, чтоб отнюдь не упрочивали царства сыну Маринкину; а стояли бы все за Веру, не щадя живота своего. – Писана 1611, в августе // Творения святейшаго Гермогена, Патриарха Московскаго и всея России, с приложением чина поставления в Патриарха. М.: Печатня А. И. Снегиревой, 1912. С. 100–101.

9. Грицкевич М. Е., Гущин С. Н., Карякин В. В. Духовно-нравственные основы военно-патриотического воспитания молодежи: историческая преемственность и современные вызовы // Военно-патриотическое воспитание: теория и практика: материалы II Междунар. науч.-практ. конф. (Омск, 12 декабря 2025 г.). Омск: Омск. гос. техн. ун-т, 2025. С. 220–229.

10. Жураковский Я. В., Агаркова М. И. К вопросу о роли Русской православной церкви в освободительном движении в эпоху Смутного времени в начале XVII века // Духовный выбор человека в условиях глобальных вызовов современности: сб. ст. по материалам докл. XI Регион. этапа XXXI Междунар. Рождеств. образоват. чтений: материалы Всерос. теолог. науч.-практ. конф. (Севастополь, 5 декабря 2022 г.) / под ред. Д. Б. Татаркова [и др.]; редкол.: А. И. Бояркин, Е. Г. Лысенко. Севастополь: Севастопольский гос. ун-т, 2022. С. 70–72.

11. Замыслов В. А. Восстановление российской государственности // Обозреватель. 2009. № 9 (236). С. 98–110.

ty: (To the 70th Anniversary of the Victory in the Great Patriotic War of 1941–1945)]. *Mestnoe pravo*. 2. pp. 21–38.

3. Vikhoreva, T.G. (2022) Oratoriya S. Degtyareva “Minin i Pozharskiy ili ‘Osvobozhdenie Moskvy’”: Geroyka po-russki [S. Degtyarev’s Oratorio “Minin and Pozharsky, or the Liberation of Moscow”: Heroics in the Russian Style]. In: Osadchaya, O.Yu., Orlova, T.S. & Yuneva, E.A. (eds) *Kul’tura, iskusstvo, obrazovanie: dialogi v usloviyakh mnogopolyarnogo mira* [Culture, Art, Education: Dialogues in a Multipolar World]. Volgograd: Volgograd State University. pp. 131–146.

4. Volodikhin, D.M. (2022) Vozhd’ Pervogo zemskogo opolcheniya knyaz’ Dmitriy Timofeevich Trubetskoy v sravnenii s knyazem Dmitriem Mikhaylovichem Pozharskim [Leader of the First Militia, Prince Dmitry Timofeevich Trubetskoy, in Comparison with Prince Dmitry Mikhailovich Pozharsky]. In: Reshetnikov, L. (ed.) *Zashchitniki russkoy gosudarstvennosti XVII–XX vekov v portretakh i sobytiyakh* [Defenders of Russian Statehood of the 17th–20th Centuries in Portraits and Events]. Moscow: Nekommercheskiy blagotvoritel’nyy fond “Nasledie”. pp. 11–28.

5. Vorontsova, L.N. (2023) Vzaimodeystvie severo-vostochnykh russkikh gorodov po voprosu ob organizatsii Pervogo opolcheniya vo vremya Smuty (1611 g.) [Cooperation of Northeastern Russian Cities on the Organization of the First Militia during the Time of Troubles (1611)]. *Gumanitarnye problemy voennogo dela*. 4 (37). pp. 27–37.

6. Gramota (v spiske) iz Yaroslavlya v Kazan’ izvestitel’naya o proisshestviyakh v Moskve i o predpriyatiyakh sobirayushchegosya v Yaroslavle opolcheniya s ubezhdeniem kazantsev ko vspomozheniyu protiv klyatvoprestupnykh polyakov (1819) [Letter (in the List) from Yaroslavl to Kazan Informing about Events in Moscow and the Undertakings of the Militia Assembling in Yaroslavl, with an Exhortation to the Kazanites to Assist against the Perjured Poles]. In: *Sobranie gosudarstvennykh gramot i dogovorov, khranyashchikhsya v Gosudarstvennoy kollegii inostrannykh del* [Collection of State Charters and Treaties Stored in the State Collegium of Foreign Affairs]. Pt. 2. Moscow: Tip. Selivanovskago. pp. 517–519.

7. Gramota iz Yaroslavlya v Vologdu o vsenarodnom soedinenii protiv polyakov i skoreyshey prisylke ratnykh lyudey dlya osvobozhdeniya Moskvy. – Pisana 1611, v fevrale (1819) [Letter from Yaroslavl to Vologda on the Nationwide Union against the Poles and the Prompt Dispatch of Military Men for the Liberation of Moscow. – Written in 1611, February]. In: *Sobranie gosudarstvennykh gramot i dogovorov, khranyashchikhsya v Gosudarstvennoy kollegii inostrannykh del* [Collection of State Charters and Treaties Stored in the State Collegium of Foreign Affairs]. Pt. 2. Moscow: Tip. Selivanovskago. pp. 510–514.

8. Gramota ot patriarkha Germogena v Nizhniy Novgorod, s poveleniem napisat’ v Kazan’ i drugie goroda, chtob otnyud’ ne uprochivali tsarstva synu Marinkinu; a stoyali by vse za Veru, ne shchadya zhivota svoego. – Pisana 1611, v avguste (1912) [Letter from Patriarch Hermogenes to Nizhny Novgorod, with the Command to Write to Kazan and Other Cities, that They Should by No Means Secure the Kingdom for Marinka’s Son; and that They Should All Stand for the Faith, Sparing Not Their Lives. – Written in 1611, August]. In: *Tvoreniya svyateyshago Germogena, Patriarkha Moskovskago i vseya Rossii, s prilozheniem china postavleniya*

12. Из грамоты воеводы князя Пожарского с товарищами и всех ратных людей из Ярославля к вычегодцам, о всеобщем ополчении городов на защиту Отечества и проч., (1612 г. Апр.) (в Актах Археограф. Комис.) // Историческая хрестоматия церковно-славянского и древнерусского языков. М.: Университетская тип., 1861. Стб. 995–999.

13. Ключевский В. О. Курс русской истории. 3-е изд. Ч. 3. М.: Т-во А. А. Левенсон, 1916. 480 с.

14. Красницкая А. В. Народное ополчение под руководством Минина и Пожарского как проявление гражданского общества и его значение в возрождении Московского государства // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2011. № 1. С. 22–25.

15. Кринко Е. Ф., Горюшина Е. М. События и участники Смутного времени в мемориальной культуре России // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2019. Т. 24, № 2. С. 203–214. DOI 10.15688/jvolsu4.2019.2.17.

16. Купренас В. А. Особенности политики Первого ополчения в России в период Смуты // Материалы ежегодной межвуз. студ. науч. конф.: сб. ст. конф. (Москва, 11 марта 2025 г.). М.: МАКС Пресс, 2025. С. 262–266.

17. Ладугина П. В. Подвиг нижегородского ополчения в отечественном изобразительном искусстве // Международные научные чтения: сб. ст. междунар. науч.-практ. конф. (Петрозаводск, 10 мая 2023 г.). Петрозаводск: Международный центр научного партнерства «Новая Наука» (ИП Ивановская И. И.), 2023. С. 247–254.

18. Лямзаев С. В. Государственно-правовое содержание призывных грамот идеологов народных ополчений на заключительном этапе Смуты // Государство. Религия. Биоэтика. Право. 2022. № 3. С. 16–25.

19. Марченя П. П., Разин С. Ю. «Смутоведение» как «гордиев узел» россиеведения: от империи к смуте, от смуты к… ? // Россия и современный мир. 2010. № 4 (69). С. 48–65.

20. Митрофанов В. В. Об «одной из самых любимейших исторических тем» С. Ф. Платонова (С. Ф. Платонов и П. Г. Любомиров о Нижегородском ополчении времени Смуты) // Клио. 2006. № 1 (32). С. 219–226.

21. Окружная грамота (в списке) военачальника князя Дмитрия Михайловича Пожарского от имени всех чинов в великороссийские города: о поручении ему нижегородского ополчения, для избавления Москвы от поляков и для избрания государя… // Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной коллегии иностранных дел. Ч. 2: Служащая дополнением к первой. М.: Тип. Селивановскаго, 1819. С. 593–597.

22. Окружная грамота от осадивших Москву воевод: боярина князя Дмитрия Трубецкого, Ивана Заруцкого, Прокопия Ляпунова и всякого звания жителей в Сибирские города: о вероломстве поляков и об укреплении всех русских и верноподданных татар и остяков в единодушном противоборстве врагам Отечества. Писана 1611, июня 23 // Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной коллегии иностранных дел. Ч. 2: Служащая дополнением к первой. М.: Тип. Селивановскаго, 1819. С. 547–549.

v Patriarkha [Works of His Holiness Hermogenes, Patriarch of Moscow and All Russia, with an Appendix of the Rite of Installation as Patriarch]. Moscow: Pechatnya A. I. Snegirevoy. pp. 100–101.

9. Gritskevich, M.Ye., Gushchin, S.N. & Karyakin, V.V. (2025) Dukhovno-nravstvennye osnovy voenno-patrioticheskogo vospitaniya molodezhi: istoricheskaya preemstvennost' i sovremennye vyzovy [Spiritual and Moral Foundations of Military-Patriotic Education of Youth: Historical Continuity and Contemporary Challenges]. In: *Voenno-patrioticheskoe vospitanie: teoriya i praktika* [Military-Patriotic Education: Theory and Practice]. Omsk: Omsk State Technical University. pp. 220–229.

10. Zhurakovskiy, Ya.V. & Agarkova, M.I. (2022) K voprosu o roli Russkoy pravoslavnoy tserkvi v osvoboditel'nom dvizhenii v epokhu Smutnogo vremeni v nachale XVII veka [On the Role of the Russian Orthodox Church in the Liberation Movement during the Time of Troubles in the Early 17th Century]. In: Tatarkov, D.B. et al. (eds) *Dukhovnyy vybor cheloveka v usloviyakh global'nykh vyzovov sovremennosti* [Man's Spiritual Choice in the Context of Global Challenges of Modernity]. Sevastopol: Sevastopol State University. pp. 70–72.

11. Zamyslov, V.A. (2009) Vosstanovlenie rossiyskoy gosudarstvennosti [Restoration of Russian Statehood]. *Obozrevatel'*. 9 (236). pp. 98–110.

12. Iz gramoty voevody knyazya Pozharskogo s tovarishchami i vsekh ratnykh lyudey iz Yaroslavlya k vychegodtsam, o vseobshchem opolchenii gorodov na zashchitu Otechestva i proch., (1612 g. Apr.) (v Aktakh Arkheograf. Komis.) (1861) [From the Letter of the Voivode Prince Pozharsky with Comrades and All Military Men from Yaroslavl to the Vychegda People, on the General Militia of Cities for the Defense of the Fatherland, etc., (1612, April) (in the Acts of the Archaeographic Commission)]. In: *Istoricheskaya khrestomatiya tserkovno-slavyanskogo i drevnerusskogo yazykov* [Historical Chrestomathy of Church Slavonic and Old Russian Languages]. Moscow: Universitetskaya tip. Columns 995–999.

13. Klyuchevskiy, V.O. (1916) *Kurs russkoy istorii* [Course of Russian History]. 3rd ed. Pt. 3. Moscow: T-vo A. A. Levenson. 480 p.

14. Krasnitskaya, A.V. (2011) Narodnoe opolchenie pod rukovodstvom Minina i Pozharskogo kak proyavlenie grazhdanskogo obshchestva i ego znachenie v vozrozhdenii Moskovskogo gosudarstva [The People's Militia under the Leadership of Minin and Pozharsky as a Manifestation of Civil Society and Its Significance in the Revival of the Moscow State]. *Vestnik Krasnodarskogo universiteta MVD Rossii*. 1. pp. 22–25.

15. Krinko, Ye.F. & Goryushina, Ye.M. (2019) Sobytiya i uchastniki Smutnogo vremeni v memorial'noy kul'ture Rossii [Events and Participants of the Time of Troubles in the Memorial Culture of Russia]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. 4: Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya*. 24 (2). pp. 203–214. (In Russian). DOI 10.15688/jvolsu4.2019.2.17.

16. Kuprenas, V.A. (2025) Osobennosti politiki Pervogo opolcheniya v Rossii v period Smuty [Peculiarities of the Policy of the First Militia in Russia during the Time of Troubles]. In: *Materialy ezhegodnoy mezhvuz. stud. nauch. konf.* [Materials of the Annual Interuniversity Student Scientific Conference]. Moscow: MAKS Press. pp. 262–266.

23. Перхавко В. Б. Имена их бессмертны, как дела их // Московский журнал. История государства Российского. 2019. № 5 (341). С. 4–19.

24. Платонов С. Ф. Лекции по русской истории. М.: Высш. шк., 1993. 736 с.

25. Повесть о разорении Московского государства и всея Российския земли // Чтения в Императорском Обществе истории и древностей российских при Московском университете. 1881. Кн. 2 (апрель – июнь). Отд. 9. С. 1–51.

26. Разин С. Ю. «Перестройка» и «смута» на международном круглом столе «Народ и власть в российской смуте» // Федерализм. 2010. № 2 (58). С. 223–234.

27. Рыбалко Н. В. Психологическая мотивация создания Подмосковного земского ополчения в начале 1611 г. // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. 2016. № 4. С. 7–20.

28. Садилов И. Роль К. Минина и Д. Пожарского в борьбе с польской интервенцией // Христианство и мир: сб. материалов VI Всерос. студ. науч.-богослов. конф. (Пенза, 31 марта 2021 г.). Пенза: Пензенская духовная семинария Пензенской Епархии Русской Православной Церкви, 2021. С. 61–69.

29. Соловьёв С. М. Соч.: в 18 кн. Кн. IV. М.: Мысль, 1989. 751 с.

30. Туфанова О. А. «Негеройские» герои: Кузьма Минин и князь Д. М. Пожарский в исторических повествованиях первой трети XVII в. // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2019. № 3 (77). С. 125–135.

31. Тюменцев И. О. Казаки в движении земских ополчений в России 1611–1612 годов // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2019. Т. 24, № 4. С. 8–19.

32. Фортунатов В. В., Шевченко М. М. Гражданский патриотизм в истории России: этапы становления и развития // Весна науки – 2017: материалы межвуз. науч.-практ. конф. проф.-преп. состава, аспирантов и студентов (Санкт-Петербург, 27–28 апреля 2017 г.) СПб.: Санкт-Петербургский ин-т внешнеэконом. связей, экономики и права, 2017. С. 163–172.

33. Чекурин Л. В. Д. И. Иловайский о Смутном времени и Первом Рязанском ополчении // Рязанская земля: история, культура, общество: материалы VIII Межрегион. науч.-практ. конф. (Рязань, 25 августа 2022 г.): в 2 ч. Рязань: Рязанская областная универсальная научная библиотека им. Горького, 2023. С. 51–62.

34. Шишов А. Как освободили Москву. Сила народа – в его сплочении // Основы безопасности жизнедеятельности. 2018. № 10 (226). С. 56–64.

17. Ladugina, P.V. (2023) Podvig nizhegorodskogo opolcheniya v otechestvennom izobrazitel'nom iskusstve [The Feat of the Nizhny Novgorod Militia in Russian Fine Arts]. In: *Mezhdunarodnye nauchnye chteniya* [International Scientific Readings]. Petrozavodsk: Mezhdunarodnyy tsentr nauchnogo partnerstva "Novaya Nauka" (IP Ivanovskaya I.I.). pp. 247–254.

18. Lyamzaev, S.V. (2022) Gosudarstvenno-pravovoe soderzhanie prizyvnykh gramot ideologov narodnykh opolcheniy na zaklyuchitel'nom etape Smuty [State-Legal Content of the Proclamation Charters of the Ideologists of the People's Militias at the Final Stage of the Time of Troubles]. *Gosudarstvo. Religiya. Bioetika. Pravo*. 3. pp. 16–25.

19. Marchenya, P.P. & Razin, S.Yu. (2010) "Smutovedenie" kak "gordiev uzel" rossievedeniya: ot imperii k smute, ot smuty k… ? ["Troubles Studies" as a "Gordian Knot" of Russian Studies: From Empire to Troubles, from Troubles to… ?]. *Rossiya i sovremennyy mir*. 4 (69). pp. 48–65.

20. Mitrofanov, V.V. (2006) Ob "odnoy iz samykh lyubimeyshikh istoricheskikh tem" S. F. Platonova (S. F. Platonov i P. G. Lyubomirov o Nizhegorodskom opolchenii vremeni Smuty) [On "One of the Most Beloved Historical Themes" of S. F. Platonov (S. F. Platonov and P. G. Lyubomirov on the Nizhny Novgorod Militia during the Time of Troubles)]. *Klio*. 1 (32). pp. 219–226.

21. Pozharsky, D.M. (1819) Okruzhnaya gramota (v spiske) voenachal'nika knyazya Dmitriya Mikhaylovicha Pozharskogo ot imeni vsekh chinov v velikorossiyskie goroda: o poruchenii emu nizhegorodskogo opolcheniya, dlya izbavleniya Moskvy ot polyakov i dlya izbraniya gosudarya… [Circular Letter (in the List) of the Military Leader Prince Dmitry Mikhailovich Pozharsky on Behalf of All Ranks to the Great Russian Cities: On Entrusting Him with the Nizhny Novgorod Militia for the Deliverance of Moscow from the Poles and for the Election of a Sovereign…]. In: *Sobranie gosudarstvennykh gramot i dogovorov, khranyashchikhsya v Gosudarstvennoy kollegii inostrannykh del* [Collection of State Charters and Treaties Stored in the State Collegium of Foreign Affairs]. Pt. 2. Moscow: Tip. Selivanovskago. pp. 593–597.

22. Okruzhnaya gramota ot osadivshikh Moskvu voevod: boyarina knyazya Dmitriya Trubetskogo, Ivana Zarutskogo, Prokopiya Lyapunova i vsyakogo zvaniya zhiteley v Sibirskie goroda: o verolomstve polyakov i ob ukreplenii vsekh russkikh i vernopoddannykh tatar i ostyakov v edinodushnom protivoborstve vragam Otechestva. Pisana 1611, iyunya 23 (1819) [Circular Letter from the Voivodes Who Besieged Moscow: Boyar Prince Dmitry Trubetskoy, Ivan Zarutsky, Prokopy Lyapunov and Inhabitants of Every Rank to the Siberian Cities: On the Perfidy of the Poles and on the Strengthening of All Russians and Loyal Tatars and Ostyaks in Unanimous Resistance to the Enemies of the Fatherland. Written 1611, June 23]. In: *Sobranie gosudarstvennykh gramot i dogovorov, khranyashchikhsya v Gosudarstvennoy kollegii inostrannykh del* [Collection of State Charters and Treaties Stored in the State Collegium of Foreign Affairs]. Pt. 2. Moscow: Tip. Selivanovskago. pp. 547–549.

23. Perkhavko, V.B. (2019) Imena ikh bessmertny, kak dela ikh [Their Names Are Immortal, as Are Their Deeds. *Moskovskiy zhurnal. Istoriya gosudarstva Rossiyskogo*. 5 (341). pp. 4–19.

24. Platonov, S.F. (1993) *Lektsii po russkoy istorii* [Lectures on Russian History]. Moscow: Higher School of Economics. 736 p.

25. Povest' o razorenii Moskovskogo gosudarstva i vseya Rossiyskiya zemli (1881) [Tale of the Destruction of the Moscow State and All the Russian Land]. *Chteniya v Imperatorskom Obshchestve istorii i drevnostey rossiyskikh pri Moskovskom universitete*. 2 (April–June). Sec. 9. pp. 1–51.

26. Razin, S.Yu. (2010) "Perestroyka" i "smuta" na mezhdunarodnom kruglom stole "Narod i vlast' v rossiyskoy smute" ["Perestroika" and "Troubles" at the International Round Table "People and Power in the Russian Time of Troubles"]. *Federalizm*. 2 (58). pp. 223–234.

27. Rybalko, N.V. (2016) Psikhologicheskaya motivatsiya sozdaniya Podmoskovnogo zemskogo opolcheniya v nachale 1611 g. [Psychological Motivation for the Creation of the Moscow Region Zemstvo Militia at the Beginning of 1611]. *Lokus: lyudi, obshchestvo, kul'tury, smysly*. 4. pp. 7–20.

28. Sadilov, I. (2021) Rol' K. Minina i D. Pozharskogo v bor'be s pol'skoy interventsiey [The Role of K. Minin and D. Pozharsky in the Struggle against the Polish Intervention]. In: *Khristianstvo i mir* [Christianity and the World]. Penza: Penzenskaya dukhovnaya seminariya Penzenskoy Eparkhii Russkoy Pravoslavnoy Tserkvi. pp. 61–69.

29. Solov'ev, S.M. (1989) *Sochineniya* [Works]. In 18 books. Book IV. Moscow: Mysl'. 751 p.

30. Tufanova, O.A. (2019) "Negeroyskie" geroi: Kuz'ma Minin i knyaz' D. M. Pozharskiy v istoricheskikh povestvovaniyakh pervoy treti XVII v. ["Non-Heroic" Heroes: Kuzma Minin and Prince D. M. Pozharsky in Historical Narratives of the First Third of the 17th Century]. *Drevnyaya Rus'. Voprosy medievistiki*. 3 (77). pp. 125–135.

31. Tyumentsev, I.O. (2019) Kazaki v dvizhenii zemskikh opolcheniy v Rossii 1611–1612 godov [Cossacks in the Movement of Zemstvo Militias in Russia in 1611–1612]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. 4: Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya*. 24 (4). pp. 8–19.

32. Fortunatov, V.V. & Shevchenko, M.M. (2017) Grazhdanskiy patriotizm v istorii Rossii: etapy stanovleniya i razvitiya [Civic Patriotism in the History of Russia: Stages of Formation and Development]. In: *Vesna nauki – 2017* [Spring of Science – 2017]. St. Petersburg: Sankt-Peterburgskiy in-t vneshneekonom. svyazey, ekonomiki i prava. pp. 163–172.

33. Chekurin, L.V. (2023) D. I. Ilovayskiy o Smutnom vremeni i Pervom Ryazanskom opolchenii [D. I. Ilovaisky on the Time of Troubles and the First Ryazan Militia]. In: *Ryazanskaya zemlya: istoriya, kul'tura, obshchestvo* [Ryazan Land: History, Culture, Society]. In 2 pts. Ryazan: Ryazanskaya oblastnaya universal'naya nauchnaya biblioteka im. Gor'kogo. pp. 51–62.

34. Shishov, A. (2018) Kak osvobodili Moskvu. Sila naroda – v ego splochenii [How Moscow Was Liberated. The Strength of the People Lies in Their Unity]. *Osnovy bezopasnosti zhiznedeyatel'nosti*. 10 (226). pp. 56–64.

Потенциальный конфликт интересов
Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов

Conflict of interest disclosure
The author declares no conflict of interest

Доступность данных и материалов
Данные, использованные и/или проанализированные в ходе данного исследования, можно получить у автора по обоснованному запросу

Data availability statement
Data used and/or analysed during this study can be obtained from the author on a reasonable request

Ссылка для цитирования (ГОСТ Р 7.0.5-2008):
Невзоров С. Г. Коллективный подвиг эпохи Смуты: народное ополчение как цивилизационный ответ на кризис российской государственности // Наследие веков. 2026. № 2. С. 40–55. DOI: 10.36343/SB.2026.46.2.003.

For citation:
Nevzorov, S.G. (2026)The Collective Feat of the Time of Troubles: The People's Militia as a Civilizational Response to the Crisis of Russian Statehood. *Nasledie vekov – Heritage of Centuries.* 2. pp. 40–55. (In Russian). DOI: 10.36343/SB.2026.45.2.003.

Поступила в редакцию / Received 06.04.2026
Поступила после рецензирования / Revised 09.06.2026
Принята к публикации / Accepted 13.06.2026
Опубликована / Published 30.06.2026

Минин на площади Нижнего Новгорода, призывающий народ к пожертвованиям (Маковский Константин Егорович, 1896). Холст, масло. 698 × 594 см. Источник: Нижегородский государственный художественный музей, Нижний Новгород, Российская Федерация. Общественное достояние

Minin on Nizhny Novgorod Square, Calling the People to Donations (Konstantin Makovsky, 1896). Oil on canvas. 698 × 594 cm. Source: Nizhny Novgorod State Art Museum, Nizhny Novgorod, Russian Federation. Public domain